

Александр Эльберт

**ПРО ЛЮБОВЬ
И НЕ ТОЛЬКО**

Александр Эльберт

Про любовь и не только...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18576467
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Всё здесь рассказанное – истинная правда. Только перетасованная и переосмысленная. Некоторых героев этого романа я хорошо знал, а многих знаю и сейчас. Других я никогда не видел и не слышал. Но они были мне необходимы по ходу развития событий. Поэтому я, совершенно не задумываясь, срисовал их с моих хороших знакомых. Но не буквально, а комбинируя и объединяя черточки характера самых разных людей, которые, как я надеюсь, не узнают себя, прочитав эту книгу – конечно, если у них найдётся для того свободное время и желание...

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
1	6
2	11
3	14
4	18
5	23
6	28
7	31
8	35
9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Эльберт ПРО ЛЮБОВЬ И НЕ ТОЛЬКО...

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всё здесь рассказанное – истинная правда. Только перетасованная и переосмысленная. Некоторых героев этого романа (может быть роман – это слишком громко; но не повесть – это точно) я хорошо знал, а многих знаю и сейчас. Других я никогда не видел и не слышал. Но они были мне необходимы по ходу развития событий. Поэтому я, совершенно не задумываясь, срисовал их с моих хороших знакомых. Но не буквально, а комбинируя и объединяя черточки характера самых разных людей, которые, как я надеюсь, не узнают себя, прочитав эту книгу – конечно, если у них найдётся для того свободное время и желание.

А вот события, всё без исключения происходящее, выдуманы мною. И все пересечения людей, событий, фактов – тоже выдуманы, вернее – придуманы. Но в полном соответствии с реальными людьми, событиями, историческими фактами. Зато места действия: город, улица и даже квартира – абсолютно реальны, их можно найти на карте.

И никакой логики, кроме моей. И это тем более странно, что я и сам не всегда понимаю, почему так, а не этак, почему этот персонаж, а не тот, почему порядок изложения не обязательно следует хронологии, почему один персонаж появляется и живет, а другой помянул, сказал пару слов – и я о нём забыл. Конечно была какая-то с самого начала задуманная логика развития событий. Только частенько я просто забывал, что и в какой последовательности хотел описать и приходилось решать проблему заново. И тогда одна моя логика заменяла другую, которую я забыл или с которой вошел в противоречие. Иногда я путал имена, но это было легко исправить. А вот если герои менялись характерами, манерой разговаривать, даже внешностью, мне было трудно это во время заметить и, тем более, вернуть их к первоначальному варианту. И тогда легче было изменить этот самый первоначальный вариант.

Ну и наконец – две простые мысли, которые преследовали меня во время работы над этой книгой:

– Люди! Любите друг друга!

– Человек так же нужен Богу, как Бог – человеку. Ибо Бог нуждается в своих верующих для самого своего существования. Нет Бога без верующих в него.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

– Юра! Вы же мудрый человек! Скажите мне... – дальше Юра хотя и слушал, но не слышал, что она говорила. Он был не тот человек, у которого можно было получить ответ на её вроде бы простые вопросы. А вопросов было много, были они всегда неожиданные и времени на подготовку не давалось. Потому что этой маленькой, кругленькой, но колючей женщине было невтерпеж услышать любой ответ, чтобы продолжить разговор. Спрашивала она всегда серьёзно, юмор посещал её нечасто, а тематика вопроса и точность ожидаемого ответа – а она всегда держала за пазухой собственный ответ на свой вопрос – крутились вокруг центра, где было спрятано ожидаемое зерно правды, на 360 градусов. Поэтому Юра, как всегда при общении Асей, слушал в пол-уха, но думал о своем.

«Я, конечно, не дурак. И образованный, может быть слишком образованный. Наверное, даже интеллигентный. *Понять бы только, что это значит, быть интеллигентным человеком.* Но я точно не мудрый. У меня взрывной темперамент и я могу и наговорить, и наделать такого, что всю жизнь жалеть и стыдиться буду. Мама моя была мудрая женщина.

Я, старый дурак, понял это только после её смерти. Да и то не сам, а с подсказки жены, которая поняла это давным-давно, но молчала, потому что сама была мудрая, тактичная и умная».

Ася продолжает рассказывать, Юра продолжает слушать в пол-уха и думать о своем, потому что коротко рассказывать Ася не умеет, а он не в состоянии внимательно слушать «длинные речи». И вспомнилась ему недавняя история, которая хоть немного отвечает на вопрос, что такое мудрость и кто такие мудрецы. История эта совсем не смешная, а скорее печальная. В парламенте некоего небольшого государства есть маленькая фракция из 3–4 ультрарелигиозных депутатов, которые голосуют не индивидуально, т. е. каждый за себя, а всей фракцией, едино, в соответствии с решением внепарламентского совета мудрецов. Сложилась, и не первый раз, *ситуация*... Сказать странная, смешная, печальная – всё будет неправильно, неточно. *Сложилась критическая ситуация, когда от мнения мудрецов зависело принятие важнейшего государственного решения.*

Но на совете мудрецов мнения разделились и всё должен был решить голос 90-летнего старца, который уже много лет не выходил из дому. А дома у него нет ничего, кроме религиозной литературы. Он газет не читает, радио не слушает, телевизор не смотрит. Компьютер, интернет – упаси боже! И этот человек решал судьбу того голосования. И всё получилось хорошо. Случайно? Или для того мудрость мудрецам и

дается?

У Аси и ее мужа Арика единственный сын Додик и единственный исключительно нервный, нахальный и неуправляемый внук Бобби. Бобби 7 лет, Юра знает его три года. Мальчик часто бывает в гостях у бабушки и дедушки вместе со своей мамой, худенькой, некрасивой, но очаровательной умницей Верой. А Додика Юра за три года не видел ни разу. Он, Додик, философ. Это не только его работа и его хобби, это – он сам. Он всегда философ и всегда «философствует»: на работе, на прогулке, за завтраком, обедом и ужином. Дома у Веры и дома у... Эти два дома и есть суть вопроса Аси. Додик не виделся и не разговаривал с родителями много месяцев. А вчера он позвонил и попросил разрешения прийти. Удивленная и обрадованная Ася, не задумываясь, сказала:

– Почему ты спрашиваешь? Конечно приходи, мы с папой соскучились и очень будем тебе рады...

– Ты не поняла, я приду не один...

– Разумеется...

– Ты не поняла, я хочу познакомить вас с...

– Ты придешь не с Верой?

– Ты не поняла! Я приду с Кларой, я хочу вас с ней познакомить.

Ася, наконец, поняла.

– Подожди, я поговорю с папой. – Но Арик сказал, как отрезал:

– Нет! Ноги её в нашем доме не будет!

Ася улыбнулась и печально сказала:

– Юра! Вы же мудрый человек, посоветуйте, как нам быть.

Где-нибудь в ресторане сын со мной встречаться не хочет. Мы уже очень не молодые, а время-то бежит. Мы не видели сына почти год, но Арик твердо стоит на своем. Что же делать?

«Я – не мудрый человек, чтобы давать советы. – подумал Юра. – Но достаточно разумный, чтобы спросить» – и спросил:

– А что Вера, она не прогоняет его, не заговаривает о разводе?

– Вера говорит, что он как маленький ребенок, её ребенок. Поиграет ещё немножко, пока новая игрушка не надоест, и вернется домой к братику – это она про Бобби – и маме – это она про себя.

– Так она даже не ревнует?

– Конечно, ревнует, ещё как ревнует. Только не как жена, а как мать двоих детей, один из которых совсем маленький, а другой хотя и выглядит как взрослый, на самом деле большой капризный ребенок, который очень серьезно играет роль мужчины.

«Как интересно! – подумал Юра. – Умница Вера спокойно, *по крайней мере внешне, на людях*, ждет, пока этот большой и очень умный ребенок не надоест *той* женщине и она не отпустит, *а то и прогонит* его домой к маме-жене и бра-

тику-сыну». – А вслух сказал:

– Послушайте! Что Вы у меня просите совета, когда совсем рядом с вами мудрая Вера?

Вечером, вернувшись домой, Юра долго не ложился спать. Ходил из угла в угол своей большой квартиры, разговаривал сам с собой, пытаясь вспомнить, но никак не мог понять, что именно он хочет вспомнить. Принял душ и решил позвонить детям, но во время посмотрел на часы. Посидел бездумно в кресле, стало клонить в сон. Подремал, потом встряхнул головой, погасил свет и лег в кровать – как обычно, на спину. Быстро заснул, но посреди ночи в глаза ему посмотрел очень старый еврей, совершенно не похожий на рембрандтовских: безбородый, белоснежный, с черными бровями и серенькими следами небритости. Спокойные немигающие глаза его были незнакомы. Юра хотел спросить, но не мог произнести ни слова. Старик покачал головой: «Не спрашивай; ты сам знаешь все вопросы и все ответы. Вспомни *их*, поговори с *ними*. Не бойся ни плохого, ни хорошего. Это было, этого не вернешь и не переделаешь: радость и горе, любовь и ненависть, удивление и восхищение, боль потери и расставания; боль, боль, боль... Ты живой, а *их* нет. Вспоминай и помни». Юра потянулся и уже почти сказал: «Кто...» – но вместо этого открыл глаза и увидел, что ночь кончается, рассветает. Закрыв глаза – никого. И стал вспоминать.

«Моя мудрая мама не была высокообразованной женщиной. Зато у нее было потрясающее, тонкое, со спрятанной

улыбкой чувство юмора. И полное осознание своего места в этом мире и спокойное, интеллигентное, не бросающееся в глаза чувство собственного достоинства, подкрепленное искренним уважением сослуживцев, старинных знакомых и стареньких друзей последних лет её жизни. Как жаль, что только сейчас, когда я сам уже далеко не юный, вспоминаю, прозреваю и начинаю понимать её. И как мне её не хватает!»

«А вот моя тёща, умная, высокообразованная, волевая, с твердым мужским характером – *мудрой* не была. Много раз в своей жизни она поступала не просто по велению разума, но поддаваясь сиюминутному желанию и острой чувственной потребности сделать *именно так, а не иначе*. В моей памяти она осталась энергичной, властной, решительной, потому что мягкой и доброй она была только по отношению к позднему сыну, которому отдала последние 30–35 лет жизни. Этому позднему сыну сейчас уже 60 лет и он настолько не мудр (плохое слово, но могу сказать жестче: глуп и неблагодарен), что говорит, не стесняясь и не краснея, будто мать его никогда не любила. А по-настоящему любил его только отец, который покинул семью, когда ребенку было меньше 2 лет; правда, алименты платил исправно.

Моя мудрая мама любила меня, мою жену и моих детей спокойно, не бросаясь словами и не требуя ничего взамен – только немного тёплого внимания.

А тёща, как я это сейчас понимаю (Что со мной? Хочу стать лучше самого себя в те молодые годы, когда я не по-

нимал людей и мне так нехватало мудрости, спокойствия и частенько самого главного – доброты?), казалась самой себе умной, мудрой и доброй; но на самом деле более всего любила свои чувства, а не тех, на кого эти чувства были направлены. Кроме этого глупого, неблагодарного, неинтеллигентного сына, которого любила безоглядно с первого дня и до самого конца. А он ничего не понял и теперь уже не поймет.»

Юра «замолчал» и с удивлением подумал: «А ведь я уже «пережил» тещу и скоро маму «догоню»! И тут же вспомнил: «Мама почти никогда не жаловалась и никогда не выясняла отношения, т. е. кто прав – кто виноват. И уж точно не делала этого вслух и на людях. А тёща непрерывно делила всех и вся на правых и виноватых и выясняла, уточняла, проверяла, обвиняла, защищала; последнее – очень редко.»

Через месяц Ася с широко раскрытыми глазами рассказывала, в этот раз нескладно, но зато очень коротко:

- Вчера был Додик...
- Один? – не удержался и перебил её Юра.
- С Верой и Бобби, первый раз за много-много месяцев.
- Вернулся домой?
- Нет. Он пришел, когда Вера и Бобби уже были у нас.
- Не может быть! И как они встретились?
- Странно. Бобби сказал, не отрываясь от компьютера: «А! Это ты?» – Додик поцеловал его в щеку и получил в ответ: «Не мешай! Не видишь, что ли? Я играю».
- А Вера?
- Сказала: «Бобби! Оторвись от компьютера, папа пришёл». А Бобби слегка повернул голову в сторону Додика: «Ты когда уходишь?»

Вера покраснела: – Не обижайся на мальчика, он совсем забыл тебя.

– Неправда! Ничего я не забыл. Просто без него нам лучше. Правда, дед?

– Арик сидит в углу и молчит, – продолжает Ася. – И все молчат вместе с ним, только компьютер гудит... Додик принес тортик, я накрыла на стол, попили чаю; молча, без разговоров. Потом Додик немного рассказал о своей работе – *если*

бы я хоть что-нибудь поняла – попрощался и посмотрел на Веру: «Проводи меня».

– И она пошла? – не выдержал Юра.

– Конечно. Ребенок хочет домой вернуться. Нервничает, боится, что его не примут.

– И что Вера потом рассказала?

– А ничего. Только спросила: «Вы почему не разрешили ему придти, *тогда, с ней?* Она бы все равно не пришла». – Помолчала и добавила: «Он сегодня ночует у Илюши – это друг детства. *Она* его прижала к стенке: или разводишься, или уходи». – Спокойная, даже улыбается; наверное, знает что-то такое, что мне не дано понять... Я бы никогда не простила и не позволила вернуться.

– Ну-ну, – это было первое и последнее, что сказал Арик за весь вечер.

Ещё через месяц в пятницу рано утром разбудил телефонный звонок. Звонила Ася:

– Обязательно приходите сегодня на кабалат-шабат («встреча субботы» на иврите).

– Что-нибудь случилось? – спросил Юра, зевая.

– Блудный сын вернулся. – Юра спросонку не понял. – Что-что?

– Додик... – дальше можно было не продолжать. Юра улыбнулся: «Мудрая Вера!»

Вечером того же дня в гости к родителям мужа пришла

спокойная, улыбочивая, неторопливая Вера с двумя детьми. И право же не так-то легко было сказать, особенно если «закрыть глаза» на разные вес, рост и голос, кто из детей младший, кто старший. Юра замкнул рот на замок и едва сдерживал улыбку, наблюдая за мудрой Верой, которая ужасающе старательно делила себя, свое внимание, свою любовь между нахальным, как всегда, Бобби и спокойным, немного отрешенным – как после тяжелой болезни – Додиком. А чуть позднее Юра поймал себя на странной мысли: «Нет, нет, нет! Этого не может быть: они ревнуют и стараются притянуть к себе внимание Веры. Просто Бобби делает это легко и привычно, а Додик так стесняется, так старательно прячет свои чувства, что становится смешно и неловко за этого большого ребенка».

* * *

Сегодня был «в руках», т. е. на приеме у сравнительно молодой – примерно 45 лет – веселой, обаятельной и высокопрофессиональной женщины-физиотерапевта. Уже несколько сеансов она пытается избавить меня от шума в левом ухе и параллельно подправляет кое-какие мелочи в моем не очень молодом теле – я всего на пару лет моложе Юры, но заметно старше Аси и Арика. Я очень удобно лежал с закрытыми глазами, а она в это время что-то выдвигала из моего живота, старательно и болезненно раз-

минала правую ступню, потом что-то делала под коленкой и это было очень больно. После этого – грудная клетка, голова, шея, какие-то точки позвоночника, снова ступня. И хотя было не всегда приятно, а иногда просто больно, я все время дремал. В один прекрасный момент я почувствовал себя маленьким ребенком в руках у любящей матери. Это было так удивительно хорошо, что я рассмеялся, чем искренне порадовал моего физиотерапевта.

Вера, сколько Юра её знает, всегда одинаковая: маленькая, худенькая, неспортивная. Минимум косметики, одета «маломодно», сама себе уделяет очень мало времени. Грустные, но постоянно улыбающиеся глаза, не самые правильные зубы, тихий голос. С домоводством без удовольствия, но управляется. Додик – чуть выше, узкоплечий. У него густые курчавые волосы, острые черты лица, взгляд в вечность и внутрь. Обычно говорит еле слышно, но иногда переходит почти на крик, сам не зная, почему именно в этот момент. Когда Юра его впервые увидел, Додик был вполне упитанный. Трудно было поверить, но совсем недавно он был такой худой, что его даже в армию не взяли *«по недобору веса»* – он тогда весил 49 кг. Вера всегда нравилась мальчикам, и в школе, и в университете. Но ни одного даже самого скромного романа до встречи с Додиком у неё не было. И это странно.

Додик с самого детства только и делает, что размышляет и потому ничего и никого вокруг себя не замечает. Как будто изначально самой природой отстранен от всех бытовых, хозяйственных и прочих дел, равно как от общения с *нормальными* людьми на *нефилософские* темы. Спортom даже по телевизору не интересуется. Водительские права есть, но автомобиль ненавидит. Компьютер для него только поставщик фактического материала и пишущая машинка. Печата-

ет быстрее, чем мыслит, а мыслит – быстрее, чем говорит. Он – философ, всегда и во всем. Потому-то странно, очень странно и непонятно, как это они с Верой сумели встретиться, увидеть друг друга, что-то необычное друг в друге разглядеть, а потом даже родить ребенка.

Вера – программист, информатик, причем очень хороший. Но работу свою не любит. А любит заниматься дома с маленьким сыном и смотреть, как работает большой. Она не знает, не понимает и даже не пытается узнать и понять, что делает и чем живет Додик. И, наверное, она права, потому что Додик сам себе объяснить не может, что он сейчас делает и что будет делать через минуту. Чувство времени у него атрофировано и *минуточка* может продолжаться пол-дня и закончиться ничем. Обычно он сидит на простом стуле, запрокинув голову, с ручкой в зубах, и раскачивается, глядя, не моргая, в потолок и ничего вокруг себя не видя. Компьютер всегда включен, чтобы любую сверкнувшую, прилетевшую, упавшую к нему в голову мысль моментально увековечить. Иначе она испарится, как сон. Поэтому иногда, не очень часто, раздается стук – *это встал на место несчастный стул, который приходится чинить несколько раз в год, а потом выбрасывать* – и сразу же несколько коротких пулеметных очередей с крохотными перерывами. И всё, возобновляется негромкий танец стула. Мысль «изречена», надо «плыть» дальше.

Вера, когда она дома, занята готовкой, уборкой, занима-

ется с Бобби (все реже – этому младшему сыну уже давно ничего, кроме компьютера, не надо). И прислушивается. Нет – слушает, что делает старший сын-философ.

– Тр-р-р-р-р-р, – что-то пришло в голову, печатает.

– Бум-бум-бум-бум, – думает.

И вдруг – полная тишина! «Что бы это значило?», – беспокоится Вера и тихонечко входит к нему в комнату. А он просто положил голову на руки, руки прямо на клавиатуру компьютера и дремлет. Вера тихонечко выходит, но он уже проснулся и тоненько так кричит:

– Голубушка! Нельзя ли чаю покрепче? Устал немного и в сон клонит. А мне на той неделе статью сдавать.

– Сейчас сделаю... Так ты же говорил, что почти закончил.

– Это я про ту, что надо было месяц назад отправить. А новую я только обдумываю и komponую.

* * *

Когда они только поженились, очень долго всё было хорошо. Вера светилась от счастья, а Додик на какое-то время стал «нормальным». Они ходили в театр, много гуляли (*«много» по понятиям Додика, который раньше без особой нужды не отвлекался от того, что он сам называл работой*), общались с её друзьями – у него был один друг детства Илья, с которым он изредка говорил по телефону и виделся

пару раз в год. Вера нашла хорошую работу, материальных проблем не было. Додик поступил в аспирантуру и немного подрабатывал переводами – это давало не очень много денег, но зато оставалось очень много времени на философию. Потом Вера забеременела и Додика это удивило. Он знал, конечно, что у других так бывает, но почему у него с Верой, как у всех? И так рано? Надо бы защититься и книжечку написать, а уж потом... Пошел поговорить с мамой и совсем перестал понимать, что происходит. Потому что Ася тут же закричала:

– Арик! У нас скоро будет внук!

– Откуда ты знаешь? – спросил, входя в комнату, где сидели мать и сын, удивленно улыбающийся Арик.

– Додик сказал.

– Что, уже сейчас точно известно, что будет именно мальчик, а не девочка? – преувеличенно серьёзно спросил Арик.

Додик помолчал, глядя то на мать, то на отца. Потом тихонько сказал, наклонив голову к левому плечу:

– А я то – как? Что со мной будет?

Родители переглянулись в недоумении. Они знали, что их сын всегда философ. Но не до такой же степени!

– Сын у тебя будет, – сказала Ася.

– Или дочь, – теперь уже серьёзно, но улыбаясь, сказал Арик.

– Мама! Папа! Я уже вырос, я знаю, откуда берутся дети. Но как же так? Нам так хорошо с Верой вдвоём, а теперь

появится кто-то третий...

– Не кто-то третий, а наш внук, – сказала Ася, а Арик ничего не добавил про внуку. Он был ехидный абсолютный прагматик и потому сказал, не задумываясь:

– Значит, у Веры будет двое детей. И это замечательно. Мы с мамой очень хотели второго ребенка – не получилось. А Вере и стараться не надо...

– Папа! Перестань шутить. Ей ведь придется всё делать самой. Вы поймите, я должен работать, а она...

– Не волнуйся, сынок. Вера – умница...

– И не философ, – довольно печально добавил Арик. – Перестань, – сказала Ася и продолжила свою мысль:

– Она справится. И работать будет, и тебя не забудет, и внука нам здоровенького вырастит...

– А тебе сына и брата, – Арик не мог не вставить зако-рючку.

Сначала было очень трудно, но просто и ясно. Трудно было Вере, зато Додику все было понятно и поначалу не слишком мешало жить. Иначе говоря, он продолжал «философствовать» и работать (или «работать» и философствовать) так же, как делал это до рождения Бобби. Ко всеобщему счастью ребеночек первые месяцы был очень тихий, незаметный, совершенно «правильный»: кушал маму, спал, кушал маму, тихонечко напоминал о своем существовании и далее по кругу, как шарманка. Назвали мальчика Барух-Фридрих. Когда много лет спустя Юра спросил: «А как же получился Бобби»? – Арик рассказал обыкновенную историю:

– «Наш философ обозвал ребенка Барух-Фридрих, в честь Спинозы и Ницше. Но Вера встретила это имя в штыки и очень долго называла Баруха-Фридриха «душечка-лапочка». Это очень мило и всем нравилось – даже философу, – но очень уж длинно. А уж называть крохотулечку полным именем, или даже только одним из двух – совершенно противостоестественно и напоминает прения в старом английском парламенте. Поэтому Ася потихоньку перешла на бэби, бэбичка. А когда мальчик подрос и заговорил, он уже был Бобби».

Целый год, а то и больше, Додик спокойно работал, хорошо спал в своей комнате, получал от Веры ровно столько внимания, сколько было ему необходимо и приятно. Един-

ственной его обязанностью по отношению к Бобби было ходить с ним гулять, что очень долго было совсем даже неплохо, т. к. не мешало философствовать. Додик просто избегал общения с другими гуляющими и не посещал детские площадки. Как-то совсем незаметно «душечка – лапочка» подрос и стал требовать внимания, причем с каждым днем всё больше и настойчивее. Вера относилась к этому с полным пониманием, радовалась и уделяла ему всё больше внимания, а значит и больше времени. Додик продолжал жить своей жизнью и не сразу понял, что происходит и почему его привычный мир рушится. Сначала Бобби стал приставать, спрашивать, иногда – не чаще, чем другие дети – капризничать. Это мешало Додику размышлять, ломало его философские построения, раздражало. Он, Додик, стал капризничать, как ребенок, и все чаще отказывался заниматься с Бобби, прежде всего ходить гулять:

– У меня очень много работы, я ничего не успеваю. И потом – у меня от него голова болит. Он всё время спрашивает, просит, требует и даже иногда плачет. Это невозможно, как же я буду кончать диссертацию?

(Додик писал диссертацию ещё несколько лет и сдал окончательный вариант в день рождения Бобби, когда мальчику исполнилось четыре года.)

Материнские чувства у Веры появились не с рождением ребенка. Она с юных лет чувствовала себя женщиной, мамой, в некотором смысле даже главой семьи. Когда она встретила Додика, оба получили то, что каждому было необходимо: он – любящую жену-маму, а Вера – капризного, но любимого мужа-ребенка, которого можно – *и нужно!* – воспитывать, наказывать и прощать, а иногда просто вести за ручку по жизни. Додик инстинктивно боялся рождения сына и был по своему прав. Всё его существо было заполнено привычным и необходимым ему туманом философских построений; оставалось очень мало места для вложений извне, т. е. для всего, с чем человек неизбежно сталкивается в реальной жизни. Или более жёстко и прямолинейно: без чего наша жизнь, жизнь каждого человека и всего человечества, попросту невозможна. Вера была ему совершенно необходима. Додик по-прежнему любил Асю и Арика так же, как любил их в детстве, и Вера не заменила ему Асю. Она стала ему матерью – хранительницей, поводырем по полной опасности жизни, матерью-кормилицей, утешительницей, советницей. Но! Все это – только в реальной жизни, куда Додик вылезал отдохнуть. Потому что, как они оба довольно скоро с удивлением и непониманием обнаружили, часть Додика всегда оставалась спрятанной в философском тумане. Обыч-

но высовывалась наружу только голова, но иногда вылезал весь философ, оставляя *там* только корешки. И как раз в это время им обоим, Вере и Додику, бывало особенно хорошо.

Родился Бобби, и Додик с удивлением обнаружил: что-то изменилось и продолжает непрерывно меняться. Он пытался сам себе объяснить новую ситуацию, но исходил при этом из философских понятий объективизма, идеализма, познаваемости и... А было всё по житейски просто: ребенок требовал внимания и с каждым месяцем – всё больше. Сначала Додик этого почти не почувствовал, потому что гулять с сыном было необременительно и позволяло почти не вылезать из философской скорлупы. Потом сын забегал и заговорил, и надо было не только вылезать наружу, но и подолгу оставаться с сыном в реальном мире и общаться с ним на его нефилософском языке. Если бы этим ограничилось, Додик продержался бы подольше. Но было ещё одно обстоятельство: Бобби была нужна мама и Вера спокойно и с удовольствием делила себя, *не разрывалась*, между мужем и ребенком. Додику стало нехватать Вериного «материнского» внимания и тогда-то родилась – или проснулась – ревность. Додик не понимал, что происходит, почему Вера, *его Вера*, так много внимания уделяет этому маленькому мальчику. *Почему* этому малышу, когда он не спит, всё время что-то нужно, причем сейчас же, сию минуту, *а то хуже будет*, – или *поздно*. Это усугублялось ещё и тем, что мама-Вера была нужна, очень нужна, необходима *именно в ту минуту*, когда До-

дик вылезал в реальную жизнь. И если в ту же самую минуту надо было Бобби переодеть, покормить, успокоить, уложить спать, Додик вел себя абсолютным эгоистом: нервничал, раздражался, сердился. Он совершенно искренне не понимал, что происходит и почему он, Додик, должен ждать и частенько – долго ждать. Как-то раз он не выдержал, зверем посмотрел в сторону Бобби, который слушал сказку, сидя у Веры на коленях, и взвизгнул:

– Да брось ты его на пол! Он же нам жить мешает!

К счастью, так было не всегда и у Веры хватало материнского терпения и женской проницательности. Она поворачивалась лицом к «старшему сыну», улыбалась, переводила на него материнское тепло и внимание. Додик успокаивался, получал желаемое *и необходимое* и, успокоенный, уходил в свою философскую скорлупу. Иногда в Додике просыпался Отец и он с удовольствием играл с Бобби в самые простые детские игры. Но не часто и очень коротко, потому что ревнивая Философия начинала нервничать и требовать от своего сына полного послушания и внимания.

Бобби было четыре года, когда Додик защитил диссертацию и ненадолго расслабился. *Философия* всё правильно поняла и какое-то время не преследовала его. А Вера ошиблась и, будучи в гостях у Аси и Арика, сказала, что хотела бы ещё и девочку. Дедушка и бабушка обрадовались и спросили: – «Когда?». Вера немного смутилась и сказала, что пока это только желание. Додик, задумавшись, сидел рядом и сначала ничего не понял. А когда проснулся и осознал, чуть не заплакал:

– А я? Обо мне ты не подумала? Второй раз я *этого* не выдержу.

Очень скоро Додика нашла, обогрела, приютила и приручила бездетная уже немолодая женщина. Много лет она очень хотела родить ребеночка, но ей, наверное, было не дано, и всё её неизрасходованное материнское тепло досталось Додику. Мудрая Вера всё узнала, опечалилась, но не прогнала Додика. Он сам ушел в новый дом и перестал бывать в старом. Целый год после этого Бобби виделся с папой, когда приходил с Верой в гости к бабушке и дедушке. А потом Додик перестал навещать родителей и только изредка звонил и рассказывал о себе. У него хватало ума не говорить о Кларе – так звали его новую неофициальную жену-маму и он рассказывал только о работе. Это было безопасно, потому

что родители в его философии ничего не понимали и потому не переспрашивали. А Вера с Бобиком приходили к Асе и Арику почти каждую пятницу. Иногда Вера уходила домой и Бобби оставался ночевать у бабушки и дедушки. Он был умненький, не по годам развитой, очень уверенный в себе худенький мальчик, внешне до смешного похожий на мать, но в отличие от неё – резкий, нахальный, неуступчивый. С ним было трудно, особенно Асе. Ел он почти исключительно картофельные чипсы, причем когда угодно и где угодно, только не за столом. Захотел учиться играть на гитаре, получил несколько уроков и сказал:

– Всё, я уже научился. Дальше будет неинтересно, теперь буду играть на виолончели.

Через месяц история повторяется:

– Играть я уже научился, а продолжать и каждый день заниматься я не могу, потому что это отвлекает меня от компьютера.

В этот период Юра часто бывал у Аси и Арика и пытался общаться с Бобби. Поначалу Бобби не обращал на него внимания. Но довольно скоро это ему надоело и он тоненьким визгливым голосом прокричал – *он всегда кричал, иногда не очень громко, иногда – хоть уши затыкай:*

– Ты кто? Ты мне мешаешь. Разве не видишь – я занят, я беру интервью у *рош мемшал`а* (на иврите – премьер-министр). Не отвлекай меня от компьютера!

Первый урок не помог. Юра еще несколько раз пытал-

ся поиграть с Бобби в *его* игры, но мальчик просто игнорировал все эти неуклюжие на его, Бобби, взгляд попытки странного глупого старика втиснуться в его, Бобика, жизненное пространство. Он совершенно недвусмысленно давал понять: «Это моя игра, мой компьютер, моя комната, в конце концов! Ты *нас`и*? (*на иврите – президент*), *рош-мемшала*? Нет? – тогда не входи в мою комнату без стука. А лучше – вообще не входи. Не видишь – ты мешаешь мне работать!»

Ася пыталась увещевать внука, смягчала детскую прямолинейность, успокаивала Юру, извинялась. А Арик, который давно на все махнул рукой, сказал коротко и ясно:

– Оставьте его! Разве не видите – он нахал-одиночка. Ему никто кроме компьютера не нужен. Правда, с компьютером он на «ты».

«Со мной он тоже на «ты»», – подумал Юра, но промолчал.

– Пойдемте лучше чай пить, – разрядила обстановку Ася. Про папу Бобби не вспоминал никогда.

Очень долго Додика кормила его новая подруга жизни, причем с удовольствием. Само по себе Додика это совершенно не смущало. Просто ему стало скучно все время сидеть дома, и он начал искать работу. К удивлению высокооплаченного молодого ученого оказалось, что работы нет. Переводы, редактирование, учитель в средней школе – пожалуй-ста. Но в университете, по специальности – хотеть, конечно, можно. Но! Страна маленькая, особенная, на другие страны никаким боком не похожая. У каждого имеется свое мнение по любому вопросу, причем на другой день он с этим мнением принципиально не согласен. И уж конечно, каждый второй – прирожденный философ. И все эти философы работают: рыночные торговцы, водители автобуса, врачи-анестезиологи и хирурги, что не мешает им делать сложнейшие операции, музыканты симфонического оркестра (*причем в полном составе!*), военные летчики (*хорошо летают, между прочим*), раввины – все (*это понятно, им самим господом богом положено*). Среди детей, особенно в неудачных семьях, не люблю называть их *неблагополучными*, тоже частенько встречаются философы; правда, все они пока не работают – но это временно.

Додик при поддержке своей новой подруги-мамы не отстывает: стучит во все двери, звонит по всем телефонам, ин-

тернетитирует на все известные ему адреса (*электронные, если не сразу понятно*) и даже посылает простые письма с марками. Изредка получает короткий ответ: «НЕТ!». Но в один очень жаркий день, когда даже вечером гулять не хочется, позвонил старенький университетский профессор, который совсем недавно был его, Додика, руководителем. И вот что сказал:

– Работу я предложить не могу, но помогу напечатать несколько статей. Так сказать, не чересчур заумные, но и не научно-популярные размышления философа на общечеловеческие темы, волнующие думающего и образованного читателя. Ну, например: «Сомнение – двигатель прогресса». Двух недель на колебания будет достаточно?

– На колебания – достаточно. А на ответ дайте ещё неделю. Если можно. И спасибо, профессор!

– Не подведите меня, голубчик. Честно говоря, эту работу *мне* предложило одно издательство. А я не могу. Просто не могу, порох кончился. Выручайте, коллега!

Додик стал думать и думал – колебался две недели. И решил: «Если к концу третьей недели придумаются красивые, пригодные к реализации названия статей – буду писать. Сколько можно *делать ничего?!*» А названия придумались такие:

а – Изменение понятия «сверхчеловек» (по Ницше) в 21 веке.

б – Взаимосвязь между внешним обликом философа, по-

ведением «в миру» – и его учением.

с – Есть и нужна ли философская составляющая в массовых религиях?

d – О возможности и реальности унификации всех церквей с целью последующего их объединения.

e – Хорошо ли быть атеистом – с позиции разнoverующих.

f – Что делать, если не верится? – с позиции верующего, но думающего.

g – Что это значит: «Толочь воду в дырявой ступе хрустальным пестиком»?

И даже краткие тезисы, пока без названия:

1. «Ищите и обрящите!» – Что искать? Где? Зачем? Когда? Ну ладно; понял – что, где и когда. И даже – как. Наконец, нашел. Остается понять, то ли это, что с этим делать и как потом от этого избавиться.

2. «Обиду можно простить, но нельзя забыть.» – Это, кажется, из Камю. Хорошо сказано и большой простор для размышлений.

Вечером, перед тем как отправить придуманное профессору, Додик вылез из философской скорлупы и решил посоветоваться с Кларой. Клара была женщина добрая, тёплая и простая. Она ничего не поняла, но почему-то задала вопрос, который перевернул всю постройку с головы на ноги:

– А почему ни слова про любовь?

Додик не обидился, улыбнулся и моментально внизу приписал первое, что пришло ему в голову:

– Люди! Любите друг друга!

Клара поцеловала своего ребеночка в затылок и сказала:
«Лучше не придумаешь».

Старенький профессор был на самом деле совсем не так уж стар и полон сил. И не сказал Додику самого главного: не было никакого нового издательства, а была небольшая группа умных, энергичных, прозорливых людей разного возраста, разных специальностей, очень богатых и «нормальных», верующих и атеистов, – которые разочаровались в... и задумали... *(В чём разочаровались и что задумали – пока хранится в величайшей тайне, иначе всё задуманное потеряет смысл)*. Давая согласие, Додик становился активным участником огромного проекта, конечной целью которого было не более, но и не менее чем... При этом Додик не знал и не должен был знать ни о существовании проекта, ни о его цели, ни о своем в нём участии. А нужен был этой небольшой группе, для простоты – Центру, именно такой, как Додик: грамотный, не обязательно талантливый специалист, философ с головы до пят, неамбициозный бессеребряник, отзывчивый на доброе слово большой ребенок.

Получив послание Додика, профессор пришел в восторг и моментально переслал это послание всем членам Центра, которые, немного подумавши, согласились с профессором и утвердили Додика на роль... С этого момента он стал ценнейшим достоянием, от которого в некоторой степени зависел успех всего задуманного этой группой людей. Теперь До-

дик не принадлежал сам себе и судьба его была предопределена. Сам Додик об этом не догадывался прежде всего потому, что его личная жизнь не сильно изменилась – *умные люди были эти члены Центра!* Разве что материальные вопросы были моментально решены. *Без излишеств, однако, что полностью отвечало конечной цели проекта.* И возврат Додика к жене и сыну стал неизбежен: исполнитель главной роли должен быть в некотором роде примером для подражания и не должен отвлекаться «по пустякам»... И всё, больше – ни слова. Иначе кто-нибудь раньше времени подумает, что догадался, и пойдут ненужные разговоры. И хотя всё настолько невероятно, что догадаться невозможно, определенные сложности могут возникнуть. «Пьеса» затянется, а некоторые члены Центра уже не молоды и не хотели бы ждать слишком долго. Хотя с другой стороны для большинства из них участие в работе, движение к цели, изменения в... – *уже привычное многоточие* – гораздо интереснее конечного результата, до которого мало кто надеялся дожить... Ну вот! Немножечко проболталось на свет божий: проект большой; не просто *большой*, а такой БОЛЬШОЙ, что несколькими простыми словами и не опишешь. И всё. Больше – ни слова.

Додика пригласили в издательство «Вперёд, дети божьи», которое только что организовали два богатых члена Центра: один бездетный *атеист* и один многодетный *пока-ещё-верующий*. Выписали аванс, – небольшой, но достаточный для спокойной жизни и работы. Додик не хотел брать деньги впе-

рёд – «И в самом деле бессеребряник», – подумал *атеист*, – но его уговорили. И попросили начать с двух тем: е и f.

– А впрочем, – сказал *пока-ещё-верующий*, – Пишите, что хотите. Мы посмотрим, – И переглянулся с *атеистом*.

– Да, да! – кивнул головой *атеист*. – Эти две статьи, эссе, рассказы – посмотрим, что получится, – напечатаем обязательно. А «всё, что хотите» – тоже напечатаем, но необязательно.

* * *

В повседневной жизни Додика мало что изменилось. Он всё так же часами сидел на простом деревянном стуле (бум-бум-бум...) и периодически пускал на клавиатуре компьютера пулеметные очереди. Ему были лестны довольно частые, но ненавязчивые звонки профессора, который интересовался движением от начала к концу статьи и очень незаметно, интеллигентно высказывал своё мнение и подталкивал автора в нужном направлении.

Профессор был членом Центра, и не самым молодым. И очень хотел увидеть хотя бы реальное продвижение к цели, потому что участвовать в финальной сцене задуманного спектакля он даже не надеялся.

А вот в жизни Клары что-то перекошилось. Додик получил деньги, работу – причем именно такую, какую хотел – немножко поверил в себя и судьбу, успокоился и стал гораз-

до меньше нуждаться в повседневной заботе «мамы». Клару это не устраивало и она продолжала обволакивать Додика домашним уютом. Как раньше. Но теперь он РАБОТАЛ и очень редко вылезал наружу из своей философской скорлупы. А Клара этого не поняла и тревожила его часто; иногда без особой необходимости отвлекала его от работы, и – что более всего раздражало Додика и быстро привело к развязке – не вовремя и не по теме.

Через пару месяцев со дна Клариной памяти уже не первый раз всплыло, что бездетные супруги могут усыновить ребеночка. Несколько бесконечно длинных дней и ночей она держала себя в узде и молчала. Её трясло от нетерпения. Она предчувствовала, нет – она точно знала, какова будет реакция Додика. Но не смогла убежать, спрятаться от себя, перетерпеть эту боль. Она ведь была простая, не очень счастливая, любвеобильная женщина; да ещё и не очень молодая.

Додик работал. Клара сидела в соседней комнате с книгой в руках, но не понимала, что читает. Закрыла глаза и стал слушать. Бум-бум... Бум-бум-бум... Бум – и вдруг стул встал на место и сразу же раздалась пулеметная очередь, через мгновение вторая, потом третья – и наступила тишина.

– «Больше не могу!» – сказала сама себе Клара и пошла.
– Додик, – чуть слышно промолвила она, входя в к нему в комнату. – Давай поженимся.

Клара думала, что тишина после пулеметной очереди означает перерыв, отдых. Она ошиблась. Додик сидел с за-

крытыми глазами, улыбался наплыву хороших, толковых мыслей и думал, как их получше оформить. Иначе говоря, до следующей пулеметной очереди оставалось несколько секунд. Он открыл глаза, посмотрел на Клару и застыл в ожидании. Его не было; он ничего не видел и не слышал. Кларе бы уйти, пока не поздно, но она не смогла и тихо повторила:

– Давай поженимся, я хочу усыновить ребеночка, а... – И Клара замолчала. Она увидела проснувшегося Додика и поняла, что сейчас будет. И ошиблась – Додик ничего не сказал. Но очень скоро вернулся к Вере.

Хотя то, что было задумано, никакого отношения к террору, революции или заговору не имело, вели себя все без исключения члены Центра, как заговорщики. Встречались нечасто, всегда в другом месте и даже в разных странах. Общение «по общему делу» – обязательно личное. Никакого интернета, телефона, почтовой переписки. И это *только*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.